

*Виктор
Медведев*

ДВЕ РОДИНЫ МОИ

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Родительский дом, возврати меня к ясному прошлому,
Где хмель вдоль дороги пьянеет в дорожной пыли,
А в окнах по-прежнему розовый ситец в горошинку
Взлетает от ветра, готовый растаять вдали.

Горбатые улочки поводьями унылыми
Всё водят-уводят, порою совсем в никуда,
Где ждут на закате такие простые и милые
Беспечные мальвы над синей слюдою пруда.

А туча по небу плывет малахитовой рощицей,
И тени скользят по карминовым крышам домов,
По белым березкам, что в небе тихонько полощутся,
Тревожа грачей в лабиринтах притихших дворов.

Где ж снова найти, за какую скрипучей калиткою
То светлое прошлое цвета прозрачной воды –
Оно заблудилось, плутая с наивной улыбкою,
Лишь взгляду ребёнка свои открывая следы.

ПАДАЕТ СНЕГ

Падает снег на могилу отца
Тихим, покаянным словом...
Нас этот снег примирил до конца
Неумолимым покровом.

Снег мою старую боль оживил
Поздним согласием нашим, –
Снег самой искренней детской любви,
Вызревшей в сердце уставшем.

Мне б на отца наглядеться сейчас
В хрупком седеющем нимбе.
О пустяках и о вечных вещах
Наговориться мне с ним бы.

Я перед ним виноват с головой,
Вот и душой не спокоен,
Что огород зарастает травой,
Что его дом не достроен.

Время дорогу обратно крадет,
Маятник снега качает.
Снег сожаленья над миром метет.
И невозвратным печалит.

Слышишь, отец? Ты теперь не один,
Сына судьба возвратила.
Единомышленник, верный твой сын
Молча стоит над могилой.

В ДЕНЬ ТРОИЦЫ

В день Троицы, как в детстве, босиком
За чебрецом уйду перед рассветом,
Чтоб в горнице запахло от икон
Таким далёким и наивным летом.

Когда мы поднимались на заре,
Чебрец всем миром собирали сами,
Бросали в доме или во дворе,
И запах плыл, как будто ладан в храме.

И было нам тогда ещё дано
Глазеть на мир так радостно и живо,
Как будто монастырское вино
Нас благодатью бережно кружило.

Спешу в поля – но никого вокруг,
Лишь я один с котомкою на горке.
Пусть хоть в мой дом войдет росистый луч,
Святой водою окропит на зорьке.

Открою двери настежь – для гостей,
Пусть дышит дом своею жизнью прежней,
Зажгу свечу и буду ждать вестей
С усталой, осторожною надеждой.

НАТАШЕ

Неясный образ, тихий ангел
В моей душе порою плачет,
А все тогда, когда бываю
Перед тобою виноват.
Он безответен и послушен,
Он тенью следует за мною,
И только плачет горько-горько,
Неясно обретая плоть.
Как я боюсь, что вдруг однажды
С тобой расстанусь и увижу
Сквозь смутный сон моих предчувствий
В его слезах твое лицо.

* * *

А город продвигается к деревне,
Перешагнув отцовские межи,
Задев углом столетние деревья,
У рощи отнимая полдуши.

И жизнь свою нелепую итожа,
От горечи боясь сойти с ума,
Родных полей шагреновая кожа
Сжимается при взгляде на дома.

Две родины мои стоят напротив,
Две матери – и каждая права,
Но все же больше деревенской плоти
Во мне от их случайного родства.

Она во мне болит всегда острее,
А плачет тише – веткой на ветру...
И смотрит вслед печальней и добрее,
Когда спешу я в город поутру.

* * *

Еще беспечно мучит жажда
Ловить удачу на лету,
Но слезы матери однажды
Весь мир обрушат в пустоту.

И забываются лишения,
Когда на тяжесть не глядишь,
Но тяжкий камень всепрощенья
Себе на спину громоздишь.

И безнадежно сердце ноет,
И нет больше ничего,
Чем жить прошедшею виною
Непониманья своего.

ДАВНЕЕ

Был вечер влажен и лилов
Над глубиью зябнувшего сада.
В ворота сонные садов
Втекал молочный запах стада.

В разбитый желоб колеи
Спускались тени осторожно.
И пахло хлебом от земли.
От терпкой пыли придорожной

Звучали смутно голоса.
Брели сквозь сумерки поверья.
Мяукал кот, и с полчаса
На все лады скрипели двери.

И вновь, задолго до темна,
За полем, на юру продутом,
Икона желтого окна
Лучилась светом и уютом.

Казалось, свой огарок лет
Там чья-то мать сжигала тайно,
Благословляя хрупкий свет
И ожиданья, и отчаяния.

ДЕРЕВЯННЫЙ СМЫЧОК

Деревянный смычок...
Кем-то брошенный, кем-то забытый,
Кем-то просто не поднятый,
Словно не понятый друг!
Кем-то просто не найденный,
Вечной открытостью скрытый,
У кого-то в глазах вызывающий тайный испуг.
Ты был веткою клена, осеннего желтого клена,
Красной плетью лозы, будто пальцем живого огня.
Ты под снегом зимы никогда не скрипел обреченно,
Но смеялся и плакал на скрипке весеннего дня.

Мы с тобой по полям, два шарманщика старых, бродили,
Я тебе подражал, я учился быть певчим смычком.
А когда твои пальцы на флейте зарю выводили,
Так хотелось заплакать, упав на дорогу ничком.

ОДИССЕЙ

Сам я себе непонятен,
Странник и сторож морей.
Лекарем весь перелатан,
Трижды убит и оплакан
Жалобным голосом рей.
Но не ропщу я
На перст многоликого бога,
Только прошу я,
Чтоб парусом билась дорога,
Чтобы судьба
К кораблю приковала раба.
Мне для спасения надо
Море до самого ада.

Я – человек,
Но хочу необъятного,
Трижды проклятого
И непонятного.
В синем просторе
В любое мгновенье я воин...
Небом и морем,
Как черной чумою, я болен.
Мудрость бездомных
Когда-то прожжет вашу память –
В волнах бездонных
Так сладко и горестно кануть...

Истины круты –
Сумею ль взобраться под старость?
Мне ни минуты
Прощальных минут не осталось.
В поисках веры
Дойду ль до безверья титанов?
В поисках двери
Не мало ли трех океанов?
Если в борьбе бесконечной
И я потеряю свой разум,
Стану беспечным,
И буйным, и ласковым сразу.

Значит, безумство
И вправду большая удача,
То же, что в бурю
Взбесившейся палубы качка...

Звон якорей
Мое старое сердце печалит,
Сторож морей,
Я спешу до заката отчалить.
А может быть, поздно?
А может быть, здесь я прикован
Неслышным и грозным,
Как сонные волны, покоем?
Душно мне! Слуги,
Несите к окну мое ложе,
Паруса, неба!
Да что ж я... Не вижу? О боже!
Вот она, месть...
А может быть – высшая милость?
Видимо, есть
На земле справедливость.

Я спорил с судьбой,
В человека отважного веря,
А нынче, слепой,
Принимаю я имя Гомера.
И все, что я видел,
Все беды мои и раскаянья
Я выскажу в книге,
Создав не святое писанье,
А грешной строкою,
Минуя гекзаметра рифы,
В тоске и покое
Создам необъятные мифы.
Сурово и просто
Касаюсь искусства святыни,
Обычным матросом
Ложусь я на ложе богини.

Как страшно, как сладко
Гремят на бегу колесницы,
Как пахнет украдкой
Под панцирем локон царицы,
Как трубы ревут
Над оскалом мечей устремленных,
Где копыта зовут,
Как трава на покосах зеленых,

Друзья оживают,
Вставая из плесени трупной,
И я начинаю...
...А вот завершается труд мой.
Я годы листал,
Будто волны, покинутый всеми,
И просто устал
Без меча прорываться сквозь время.

Я царь Одиссей,
А мой дух будет зваться Гомером.
Но сущностью всей
Я бродяга – в крещении первом.
Я шел, как по реке,
Качаясь всю жизнь и рискуя,
Вы будьте добрее,
Мой образ свирепый рисуя.
Я понял, что Троя
Погибла, как слабый в пучине,
Пусть новую строят,
И выше и крепче, мужчины.
Не будь тех сражений,
Нас ждали бы новые беды,
Ведь нет поражений
Страшней, чем ненужность победы.

Скитаясь по свету,
Покуда глаза не ослепли,
Я истину эту
Искал и в алмазах, и в пепле.
Но только теперь
Одиссей до конца мне понятен.
И я эту дверь
Открываю, не вычистив пятен.
Без спора с судьбою
Гомеру в душе не родиться.
Я за этой строкою
Живу на последней странице.

